

Ясная Поляна и Астапово

(Къ двадцатипятилѣтню со дня смерти Л. Толстого).

Ясная Поляна и Астапово — иначе говоря, какъ жить и умеръ Толстой: тема огромная и было бы ничѣмъ не оправдываемой притязательностью рассчитывать на немногихъ страницахъ не то, что исчерпать, но даже только помѣнить хоть съ какой-нибудь полнотой то, что Ясная Поляна и Астапово говорятъ всѣмъ намъ, воспитавшимся на Толстомъ. Но ничего не подѣлаешь: самъ Толстой огроменъ. Не только въ русской, но и въ мировой литературѣ немного найдется писателей, которые, по огромности своей, могутъ сравниться съ Толстымъ. Если же все-таки я рѣшаюсь, при такихъ условіяхъ, говорить объ этомъ, то не затѣмъ, чтобъ показать жизнь, творчество и смерть Толстого — а только, чтобъ напомнить о жившемъ среди насъ необыкновенномъ человѣкѣ, о тѣхъ бореніяхъ, которыми была полна его душа и о тѣхъ слѣдахъ, которые эти боренія оставили на его произведеніяхъ.

Ясная Поляна для насъ связана какъ бы органически съ «Войной и Миромъ», хотя, въ сущности, все почти, что Толстой писалъ, онъ написалъ въ Ясной Полянѣ, — начиная съ «Дѣтства и Отрочества» и кончая «Смертью Ивана Ильича», «Крейцеровой Сонатой», «Хозяиномъ и Работникомъ» и всѣми его религиозно-философскими сочиненіями. Но въ одномъ отношеніи «Война и Миръ» стоитъ особо отъ всѣхъ другихъ писаній Толстого. Даже и теперь, когда — въ который уже разъ — перечитываешь «Войну и Миръ», невольно вспоминаешь слова Пушкина о Моцартѣ: «какъ нѣкій херувимъ онъ нѣсколько занесъ къ намъ пѣсенъ райскихъ». И даже того больше: иной разъ хочется повторить о Толстомъ то, что сказалъ о св. Бонавентурѣ его учитель: «кажется, что въ его душѣ Адамъ не согрѣшилъ». Толстой — херувимъ, занесенный къ намъ, знавшимъ

*) Рѣчь, произнесенная въ заведеніи религиозно-философскаго общества въ Парижѣ въ декабрѣ 1935 г.

лишь скучныя пѣсни земли, нѣсколько райскихъ пѣсень, онъ, какъ Бонавентура, «doctor scraphicus», его души не коснулся грѣхъ нашего праотца, онъ слышитъ и понимаетъ торжественное «добро зѣло», которымъ отозвался Творецъ, глядя на созданный имъ міръ, какъ слышалъ и понималъ это первый человѣкъ, прежде чѣмъ соблазнился плодами съ запретнаго дерева. Ужасы, самые потрясающіе ужасы жизни его не страшатъ: онъ находитъ въ себѣ силы, чтобъ преодолѣть какія угодно бѣды, отвѣтить на какіе угодно вопросы. Бородинская битва, безвременная и мучительная смерть князя Андрея Болконскаго, зѣвская расправа французомъ съ заподозрѣнными въ поджогахъ русскими и все прочее въ такомъ родѣ, что всегда сопровождаетъ войну и что на каждомъ шагѣ встрѣчается и при такъ называемыхъ нормальныхъ условіяхъ человѣческаго существованія — все это Толстого не смущаетъ, наоборотъ, какъ бы будитъ въ немъ новыя творческія силы. И это не потому, что онъ меньше чувствуетъ и меньше ненавидитъ эти ужасы, чѣмъ другіе люди. Наоборотъ, онъ ихъ чувствуетъ какъ никто: каждая страница «Войны и Мира» свидѣтельствуетъ объ этомъ. Приведу лишь одинъ небольшой примѣръ того, какъ подходилъ Толстой къ такъ называемымъ проклятымъ вопросамъ нашей жизни и въ какихъ напряженныхъ исканіяхъ рождался наиболѣе дорогія для него и наиболѣе цѣнныя для насъ мысли его.

Пьеръ Безуховъ былъ приговоренъ французскимъ военнымъ судомъ, вмѣстѣ съ другими русскими, заподозрѣнными въ поджогахъ, къ разстрѣлу. Разстрѣляли не всѣхъ — только пять человѣкъ, чтобъ показать примѣръ строгости: остальныхъ, въ томъ числѣ Пьера, пощадили. Но пощадили лишь въ послѣднюю минуту: Пьеру пришлось присутствовать при разстрѣлѣ товарищей по плѣну и ждать своей очереди. И вотъ въ какихъ словахъ Толстой передаетъ то, что испыталъ Пьеръ: «съ той минуты, когда Пьеръ увидаль это страшное убійство, совершенное людьми, не хотѣвшими этого дѣлать, въ душѣ его какъ бы была выдернута пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хоть онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ и прежде, но никогда съ такой силой, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чув-

ствоваль, что не его вина была причиной того, что миръ завалился въ его глазахъ и остались одиѣ бессмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ жизнь не въ его силахъ».

Толстой не любилъ Шекспира и, какъ извѣстно, издѣвался надъ нимъ. Но въ этихъ словахъ онъ, того не подозревая, повторилъ самую глубокую, самую завѣтную мысль Шекспира. Гамлетъ, когда явившійся ему духъ окончательно убѣждаетъ его, что отецъ его палъ жертвой брата, который теперь сталъ мужемъ его матери, восклицаетъ: «пала связь временъ, зачѣмъ же я связать ее рожденъ!» И у Гамлета, точно у самого Шекспира, на его глазахъ вдругъ «завалился миръ» и Шекспиръ чувствуетъ, что собственными силами ему не дано вернуть себѣ вѣру въ жизнь. Что-же дѣлать, что дѣлать? Вопросъ «что дѣлать?» неотступно стоялъ предъ Толстымъ въ теченіе всей его земной жизни и имъ, только имъ, опредѣлялось и направлялось все его творчество. Для Толстого — даже въ молодости — писательская дѣятельность никогда не была литературой, т. е. тѣмъ, что иногда называютъ искусствомъ ради искусства. Писанія Толстого всегда являлись результатомъ и выраженіемъ напряженнѣйшей, почти безумной борьбы съ какимъ-то страшнымъ и непошаднымъ врагомъ, власть и присутствіе котораго онъ почувалъ подъ личиною жизненныхъ соблазновъ. Онъ могъ бы о себѣ, какъ Лермонтовъ, во многомъ ему столь близкій и родственникъ, сказать:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную, страсть:
Она, какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вспомилъ слезами и тоской.

Эта страсть, эта вѣчная, неизбывная тоска научила его ставить вопросы тамъ, гдѣ для всѣхъ никакихъ попросовъ не было, научила его и еще другому: ставить вопросы тамъ и тогда, когда все наше существо глубочайшимъ образомъ убѣждено, что никакихъ попросовъ уже ставить нельзя, ибо никакихъ отвѣтовъ нѣтъ и никогда не будетъ. Можно прямо сказать, что райскія дѣсны, занесенныя намъ херувимомъ Толстымъ, т. е. всѣ его дивныя художественныя произведенія — и не только «Война и Миръ», но и произведенія послѣднихъ лѣтъ его жизни — «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова Соната» и никѣмъ не превзойденный «Хозяинъ и Работникъ», равно какъ и опу-

бликованные послѣ его смерти отрывки незаконченныхъ вещей — «Записки Сумасшедшаго», «Отецъ Сергій» и т. д., родились изъ этой титанической и отчаянной борьбы съ вездѣсущимъ противникомъ, котораго не только побѣдить, но и увидѣть нельзя. Въ этомъ загадка и — если умѣстно въ примѣненіи къ Толстому и иже съ нимъ такое слово — въ этомъ разгадка толстовскаго творчества. Подъ райскими пѣснями—великая и не знающая конца борьба. Можетъ быть тутъ опять умѣстно вспомнить Лермонтова — слова изъ его «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ». Въ ясное, веселое утро народъ собрался поглядѣть на игру, на веселую забаву — на кулачный бой на Москварѣйскѣ: въ старину москвичи были охотниками до такихъ боевъ. Но тамъ, гдѣ всѣ — даже и одинъ изъ участниковъ боя — ждали и искали веселаго развлечения, тамъ предстояло и произошло совсѣмъ другое. Вотъ какую рѣчь обращаетъ къ своему противнику купецъ Калашниковъ:

И промолвилъ ты истинную:
По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣти,
И не позже, чѣмъ завтра, въ часъ полуденный...
Не шутку шутять, не людей смѣшнть
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой.

Толстой почуялъ въ жизни присутствіе какого-то страшнаго, отвратительнаго и безмѣрно могучаго противника и вступилъ съ нимъ въ страшный и послѣдній бой. Въ этомъ, говоря языкомъ Бѣлинскаго, былъ пафосъ, въ этомъ нужно видѣть источникъ вдохновенія, которымъ одушевлено все, имъ написанное. Плотинъ, послѣдній великій философъ древности, божественный потомокъ божественнаго Платона, безъ малаго за двѣ тысячи лѣтъ до Толстого и Лермонтова такъ опредѣлялъ задачу философіи, которую онъ сознательно отождествлялъ съ тѣмъ, что въ Писаніи называется «единымъ на потребу»: великая и послѣдняя борьба предстонтъ человѣческимъ душамъ. Толстой могъ бы взять эти слова какъ девизъ всей своей писательской дѣятельности. Если бы въ моемъ распоряженіи было достаточно мѣста, я могъ бы подробно рассказать исторію великой и послѣдней борьбы, которая началась задолго до «Войны и Мира» и закончилась въ Астаповѣ. Теперь я могу только наметить одинъ изъ моментовъ этой борьбы, обрисованный съ свойственнымъ Толстому неподражаемымъ мастерствомъ.

Мы помнимъ, что разстрѣлъ русскихъ плѣнныхъ произвелъ на Пьера подавляющее, уничтожающее впечатлѣніе. Нѣтъ

больше никакой надежды, все погребло, все пропало, міръ завалился: ни въ себѣ, ни внѣ себя — нигдѣ нѣтъ спасенія. И вотъ — въ ночь того же дня, когда Пьеръ съ такой безпощадной очевидностью убѣдился, что весь міръ, вся жизнь — только безумная, бессмысленная, отвратительная фантазмагорія, въ ту ночь, когда, казалось, онъ окончательно и навсегда потерялъ всякую надежду, всякую вѣру — съ нимъ произошло нѣчто такое, для обозначенія чего я не могу подобрать другого слова, кромѣ чуда. Опять приведу небольшую отрывокъ изъ «Войны и Мира». Послѣ разговора съ Платономъ Каратаевымъ, котораго Пьеръ впервые встрѣтилъ въ балаганѣ для плѣнныхъ послѣ разстрѣла русскихъ, онъ, какъ и остальные его товарищи по заключенію, улегся спать. «Наружу, рассказываетъ Толстой, слышались гдѣ-то вдалекѣ плачь и крики, но въ балаганѣ было тихо и тепло. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнію Платона, лежаваго подлѣ него и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ помощью красоты, на какихъ-то новыхъ и неизблемыхъ основаніяхъ, двигался въ его душѣ».

Если мы сопоставимъ и внимательно взглянемъ въ то, что произошло съ Пьеромъ въ теченіе одного и того-же дня, даже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ одного и того-же дня, мы будемъ неслышанно поражены: отъ крайняго отчаянія, отъ совершеннаго, окончательнаго невѣрія въ міръ людей и Бога, онъ перешелъ къ твердой, прочной, неизблемой вѣрѣ въ міръ и его Творца. Читая эту — и многія другія — главы «Войны и Мира», иной разъ кажется, что Адамъ не только не согрѣшилъ въ душѣ Толстого, но что Адамъ никогда совѣтъ и не касался плодовъ съ запрещеннаго дерева, что въ мірѣ нѣтъ и не было грѣха, что міръ вообще не лежитъ по злѣ или, если хотите болѣе соотвѣтствующаго привычной намъ всѣмъ манерѣ говорить и думать, выраженія, что у насъ, смертныхъ и слабыхъ людей, есть достаточно мощи, чтобы собственными силами возстановить разрушающіеся на нашихъ глазахъ міры. Человѣкъ всемогущъ: стоитъ ему только захотѣть, онъ чего угодно добьется. Онъ и разрушаетъ, онъ и созидаетъ міры и онъ же находитъ твердыя неизблемыя начала, на которыхъ держится и будетъ во вѣки вѣковъ держаться красота и великолѣпіе созданныхъ имъ міровъ. Эпизодъ къ «Войнѣ и Миру», истрѣче не эпизодъ къ написанной книгѣ, а торжественный апофеозъ челоѣку, какъ полновластному хозяину бытія, обнаруживаетъ предъ нами, какую колоссальную задачу поставилъ себѣ Толстой: онъ

не могъ успокоиться, пока не внушилъ себѣ и другимъ, что нашъ міръ, что наша жизнь прекрасны. «Война и Миръ», такимъ образомъ, является не теодицеей, т. е. не оправданіемъ Бога предъ человѣкомъ, а оправданіемъ человѣка предъ самимъ собой. Это и дало поводъ многимъ сравнивать «Войну и Миръ» съ гомеровскими Одиссеей и Илиадою: человѣкъ глядитъ на міръ свѣтлыми, радостными глазами и ничто, никакіе ужасы жизни не могутъ ни смутить, ни встревожить его. Тѣ, которые такъ говорили, были въ значительной степени правы. «Война и Миръ», по проникающему ее настроенію, дѣйствительно напоминаетъ намъ безсмертныя гомеровскія поэмы: жизнь на землѣ оправдана и оправдалъ ее человѣкъ, эту жизнь самъ создавшій и цѣликомъ, радостно ее принимающій. Никто, послѣ Гомера, въ теченіе тысячелѣтій, не дерзалъ съ такой увѣренностью и съ такимъ яснымъ спокойствіемъ вѣщать людямъ о лежащей въ самой основѣ бытія вѣчной гармоніи. Замыселъ «Войны и Мира» — равно какъ и выполнение задуманнаго — понинтъ грандіозны и почти единственны въ исторіи человѣческой мысли...

И все же Толстой не Гомеръ, и «Война и Миръ», равно какъ и послѣдовавшая за ней и долженствовавшая быть ея продолженіемъ «Анна Каренина», не Илиада и не Одиссея. На глазахъ Гомера міръ, повидимому, все же никогда не заваливался и ему не приходилось изъ развалинъ возсоздавать единое и гармоническое цѣлое. Его міръ былъ созданъ не имъ, не имъ были созданы и красота и гармонія міра — все это пришло хотъ отъ языческаго Бога, отъ демиура, но отъ бога, отъ боговъ, которыхъ Гомеръ можетъ быть и «наивно», но увѣренно считалъ всемогущими. У Толстого такой наивности и такой увѣренности не было. Онъ сказалъ намъ о Пьерѣ: «онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ не было въ его власти». Но есть-ли въ мірѣ такая власть, такая сила, которая могла бы вернуть вѣру человѣку, на глазахъ котораго завалился міръ, который своими глазами видѣлъ то, что видѣлъ у Толстого Пьеръ? Въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ и въ «Аннѣ Карениной» Толстой заходитъ этотъ вопросъ въ ту область, въ которой онъ какъ будто бы теряетъ свой смыслъ, свое значеніе и свою настоятельность: въ область безсознательнаго или подсознательнаго, какъ теперь принято выражаться. Образцовыя семьи и самого Пьера Безухова и Николая Ростова, а потомъ въ «Аннѣ Карениной» Левина должны убѣдить всякаго, что такіе вопросы есть вопросы праздные. Левинъ «точно плугъ» врѣзался въ землю, а о Ростовѣ Толстой говорить: «долго послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память о немъ». Предъ лицомъ такъ»

безхитростных семей выползающих из отщепенной имъ области безсознательнаго грозня и докучнаго вопрошенія квалифицируются какъ недозволенный, преступный бунтъ и мятежъ, на который отвѣчаютъ уже не доводами разума, а физической силой, той силой, которая не останавливается и предъ братоубійствомъ. Пьеру, который, вернувшись изъ Петербурга, съ ужасомъ и негодованіемъ рассказываетъ о заведенныхъ Аракчеевымъ въ Россіи порядкахъ, Ростовъ рѣшительно отвѣчаетъ: «доказать я тебѣ не могу. Ты говоришь, что у насъ все скверно; я этого не вижу. И вели мнѣ Аракчесья вѣли на васъ (т. е. Пьера и его петербургскихъ друзей) съ эскадрономъ и рубить—ни на секунду не задумаюся и пойду». Вотъ на какихъ неизблѣмыхъ основаніяхъ держался созданный Толстымъ въ періодъ «Войны и Мира» міръ и его красота. Вотъ что дало Толстому возможность преодолѣть сомнѣнія и возвратиться къ вѣрѣ, которую Пьеръ утратилъ, послѣ того какъ ему пришлось быть свидѣтелемъ звѣрской и отвратительной расправы съ пѣльниками. И съ откровенностью и искренностью, никогда его не покидавшими, онъ рассказалъ объ этомъ въ эпизодѣ къ своей удивительной позѣ, не заглядывая впередъ и не загадывая, къ чему эти признанія могутъ привести его. Или, можетъ быть, онъ именно потому это рассказалъ, что въ глубокихъ тайникахъ души своей онъ предчувствовалъ, что несетъ съ собой такое признаніе. Можетъ ли у человѣка долго продержаться вѣра, которая зоветъ къ братоубійству и набожно бережетъ память тѣхъ, кто цѣной братоубійства покупаетъ гармонию земнаго существованія? И есть-ли еще тамъ гармонія, гдѣ братоубійство становится неизбежностью? Пьеръ, когда на его глазахъ завалился міръ, почувствовалъ, что собственной властью ему не дано вернуться къ вѣрѣ. Ростовъ чувствуетъ по иному: вѣра держится только его властью, а его власть, власть смертнаго человѣка, держится только физической силой. И точно: власть Аракчеева, какъ и власть Ростова опираются единственно на превосходство силы. Отнимите у Аракчеева и Ростова ихъ эскадроны — долго ли просуществуетъ міръ, въ которомъ они господа и хозяева? Но, скажутъ: развѣ міръ можетъ хоть мгновеніе просуществовать, если единство бытія не поддерживается силой физического принужденія? И, стало быть, развѣ принудительное начало, олицетворившееся въ Ростомѣ, въ силу того, что оно одно только и можетъ обезпечить стройность, порядокъ и гармонию бытія, не требуетъ и не заслуживаетъ набожнаго отношенія къ себѣ? Оно о, оно одно только достойно быть предметомъ нашего благоговѣйнаго почитанія.

Когда Толстой кончалъ «Войну и Миръ», онъ, какъ будто, не могъ и не хотѣлъ иначе думать. Но, вѣдь, онъ могъ и не рассказывать о томъ, что онъ думалъ: надобности въ этомъ не было и никто не вставлялъ его это дѣлать. И все же онъ сказалъ — и сказалъ съ такой умышленной, вызывающей рѣзкостью — словно подготавливая читателя къ тому, что черезъ полтора десятка лѣтъ ему суждено было возвѣстить въ «Исповѣди». «Исповѣдь» появилась въ апогеѣ, въ расцвѣтѣ толстовскаго творчества, когда въ Россіи, и до нѣкоторой степени въ Европѣ, уже стали набожно прислушиваться къ каждому слову Толстого. Существуетъ мнѣніе, что переходъ Толстого отъ художественнаго творчества къ религиозно-философскому находится въ связи съ упадкомъ его дарованій: мнѣніе соблазнительное — но ошибочное. Не говоря о томъ, что объ этомъ свидѣлствуютъ даже его религиозно-философскіе труды, которые могутъ считаться образцами литературной прозы, его художественныя произведенія послѣдняго періода могли бы дать ему всемірную писательскую славу, если бы даже онъ кромѣ нихъ ничего не написалъ: я уже раньше отмѣтилъ, что его «Хозяинъ и Работникъ» является шедевромъ міровой литературы. Такъ что правильнѣе сказать, что онъ отказался отъ художественнаго творчества единственно потому, что овладѣвшее нить безпокойство и проникшая все его существо духовная тревога сдѣлали въ его глазахъ ненужнымъ и ничтожнымъ все, что прежде ему казалось важнымъ и значительнымъ — и, прежде всего, его литературный даръ. То-же, повидимому, что произошло въ душѣ Гоголя, бросившаго въ огонь второй томъ «Мертвыхъ душъ». «Исповѣдь» Толстого (кстати сказать, тоже шедевръ литературнаго творчества) не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Къ величайшему недоумѣнію и ужасу тѣхъ, кто зналъ, цѣнилъ и любилъ произведенія автора «Войны и Мира», Толстой на глазахъ у всѣхъ разбиваетъ чудесный инструментъ, на которомъ онъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ столько лѣтъ исполнялъ свои гимны міру и его Творцу. «Все, что я говорилъ, — заявляетъ онъ дрожащимъ отъ волненія и сдержаннаго чувства голосомъ, — все было ложью и притворствомъ. Ничего я не зналъ, ни во что не вѣрилъ, но я хотѣлъ добиться славы и богатства и притворялся всезнающимъ учителемъ», — таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе «Исповѣди». Къ сожалѣнію, я лишень возможности здѣсь подробно остановиться на томъ, что намъ открываетъ толстовская «Исповѣдь». Она словно является отвѣтомъ на приведенныя выше слова Ростова: «доказать не могу, но, если ты не по-

корнища, зарублю тебя, хоть ты и мой братъ». Оправданіе міра и Творца, держашесся готовностью рубить, теперь представляется Толстому отвратительнымъ кощунствомъ. И, точно обезумѣвъ, онъ бросается къ Св. Писанію, къ Евангелію, ища тамъ спасенія отъ душившаго его кошмара. Онъ самъ пишетъ: «я бы сказалъ неправду, если бы я сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ». Но на ряду съ этимъ мы читаемъ у него и другое признаніе: «я готовъ былъ, говорить онъ, теперь принять всякую вѣру, только бы она не требовала отъ меня прямого отрицанія разума, что было бы ложью». Откуда пришло это ограниченіе и что оно значитъ? Кто подсказалъ, кто внушилъ Толстому, что только такая вѣра для насъ приемлема, которая не споритъ съ разумомъ? И почему вѣра, не покоряющаяся разуму, есть ложь? Для насъ даже теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти Толстого, вопросъ этотъ имѣетъ то-же огромное значеніе, которое онъ имѣлъ и для самого Толстого. И, если бы мы обладали искренностью и мужествомъ Толстого, мы бы и теперь съ такой-же настойчивостью и съ такой-же страстностью повторяли бы ежедневно, — ежечасно эти вызывающія слова. Когда мы идемъ къ вѣрѣ, точнѣе, когда мы пытаемся идти къ вѣрѣ — единственному источнику истины Писанія, — мы всё предусмотрительно захватываемъ съ собой тѣ критеріи истины, которые выработалъ нашъ разумъ. Такъ было на Западѣ — величайшіе мыслители Европы, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ, Шеллингъ, Фихте, Гегель такъ поступали, такъ было и въ Россіи. Вл. Соловьевъ, всегда обличавшій рационализмъ, авторъ «Кризиса западно-европейской философіи», открыто исповѣдывалъ, что религія должна искать и находить свое оправданіе у разума: много есть религій, говорилъ онъ, повтора Лейбница, гдѣ, какъ не у разума, узнаемъ мы, какая религія истинна? И никому изъ насъ не приходило въ голову, что, ища поддержки и защиты вѣрѣ у разума, мы тѣмъ самымъ предаемъ вѣру, поддаемся величайшему соблазну (о немъ же сказано «блаженъ, кто не соблазнится обо мнѣ»), ибо всякая защита есть защита посредствомъ принужденія, и держится тѣмъ, чѣмъ держался Аракчеевъ и его вѣроподдавшій Ростовъ: буду рубить. Толстой съ полнымъ основаніемъ вѣдо высмѣивалъ казенное христіанство, разсказывая о томъ, какъ молодой гренадеръ, гнавшій ницого, на его вопросъ, читалъ-ли онъ Евангеліе, побѣдоносно отвѣтилъ: а ты воинскій уставъ читалъ? Но, вѣдь гренадеръ и былъ правъ: воинскій уставъ не требуетъ отреченія отъ разума, а Евангеліе требуетъ. И въ

особенности тѣ страницы изъ Евангелія, которыя всегда такъ неотразимо влекли къ себѣ Толстого. Толстой съ упоеніемъ и восторгомъ повторяетъ слова Христа: а я вамъ говорю — не противься злему. Но какъ ихъ оправдать предъ разумомъ? Не только синодалные учителя — самъ Вл. Соловьевъ принужденъ быть признатъ, что разумомъ никакъ не оправдаешь евангельское «не противься злему», а такъ какъ не оправданное разумомъ нигдѣ уже себѣ оправданія не найдетъ, то хочешь, не хочешь, эти слова придется вытравить изъ Писанія и замѣнить ихъ соответствующимъ словомъ воинскаго устава: руби. Соловьевъ въ своемъ «Оправданіи Добра» безъ колебанія оправдываетъ, даже воспѣваетъ войну.

Но и Толстой, несмотря на то, что онъ всею душой рвется къ загадочному «не противься», не можетъ никакъ пойти на то, что эгого завѣтъ можно принять даже и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ отвергнуть разумомъ. «Религія, пишетъ онъ въ 1902 году, есть установленное, согласное съ разумомъ и современными знаніями, отношеніе человѣка къ вѣчной жизни и къ Богу». Но, что останется отъ Писанія, если начать его согласовать съ нашимъ разумомъ и съ нашими знаніями? Естественно, что когда Толстой началъ согласовать Писаніе съ нашимъ разумомъ и съ нашими знаніями, оно оказалось отодвинутымъ на второй планъ, точнѣе, превратилось въ соль, потерявшую свою соленость. «Ученіе Христа, пишетъ онъ въ своей книгѣ «Въ чемъ моя вѣра?», имѣетъ самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго человѣка. Эгого смысла можно выразить такъ: Христось училъ людей не дѣлать глупостей». Разумъ, слушая такое, конечно торжествуетъ: онъ получилъ свою дань полностью. Но, вѣдь и до Христа философы, моралисты и просто умные люди учили тому-же. Зачѣмъ же вспоминать Писаніе? Толстой и самъ это скоро почувствовалъ и выразилъ это по своему съ огромной силой въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, въ особенности въ «Критикѣ догматическаго богословія», по своей умышленной кощунственности не отстающей отъ писаній Вольтера. Разумъ сдѣлалъ свое дѣло: отъ Писанія не осталось и слѣда. И съ каждымъ годомъ Толстой все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ ополчается на Писаніе. Больше всего въ Писаніи раздражаетъ его — какъ и всѣхъ насъ, просвѣщенныхъ людей — какъ разъ то, что составляетъ его душу: вѣра. И именно потому, что вѣра Писанія проходитъ мимо и нашего разума, и нашихъ знаній, не замѣчая ихъ и совершенно съ ними не считаясь. Въ посмертной пьесѣ мы читаемъ такой разговоръ героя пьесы.

Николая Ивановича (самого Толстого) съ деревенскимъ священникомъ:

Священникъ: Разумъ можетъ обмануть, у всякаго свой разумъ.

Инок. Ив.: Вотъ это-то ужасное кощунство. Богомъ дано намъ одно священное орудіе для познанія истины, одно, что насъ можетъ соединить во едино. А мы ему не вѣримъ.

Св. ящ.: Да какъ же вѣрить, когда, ну, разногласія что-ли?

Инок. Ив.: Гдѣ же разногласія? То, что дважды два — четыре и что другому не надо дѣлать того, чего себѣ не хочешь, и что всему есть причина и тому подобное, мы признаемъ всѣ, потому что это согласно съ нашимъ разумомъ. А вотъ что Богъ открылся на горѣ Синаѣ Моисею или что Будда улетѣлъ на солнечномъ лучѣ, или что Магометъ леталъ на небо — ... въ этомъ и подобныхъ дѣлахъ мы всѣ врозь.

Если и поскользну мы захотимъ быть правдивыми, мы всѣ должны повторить то, что говорить Толстой. Мы всѣ убѣждены, что дважды два — четыре, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, но утверженіе, что Богъ открылся Моисею на Синаѣ, возбуждаетъ въ насъ ясю силу гнѣва и отвращенія, на какую только мы способны. Нашъ разумъ и наши знанія возбраниютъ намъ не только принять, но даже серьезно обсудить такое. Ибо, разъ дважды два — четыре, разъ «нѣтъ дѣйствія безъ причины», то не можетъ быть никакъ сомнѣнія, что Богъ никогда никому не открывался, ни Моисею на Синаѣ, никому другому. И не пытайтесь спорить. На все, что вы скажете, лавно готовъ отвѣтъ: это то, во что всѣ, всегда и повсюду вѣрили, по что всѣ, всегда и повсюду должны вѣрить, подъ угрозой попасть подъ судъ разума, который умѣетъ по своему распорядиться съ ослушниками. Какъ говорилъ Ростовъ: «доказать я тебѣ не умѣю... Но вели мнѣ Аракчеевъ идти на васъ съ эскадрономъ и рубить, я ни на секунду не задумаюсь». Разумъ, такъ же, какъ и Ростовъ «не умѣетъ доказать», но онъ умѣетъ рубить всѣхъ, кто, вопреки закону причинности, вопреки дважды два четыре и прочимъ, имъ подобнымъ, истинамъ, дерзнетъ утверждать, что Богъ открылся Моисею на Синаѣ, что Богъ вообще открывался, что есть откровенная истина. Разумныя доказательства всѣ, въ послѣднемъ счетѣ, сводятся къ ростовскому «рубить», самый смыслъ понятія доказательство исчерпывается ростовскимъ «рубить». Философы этимъ не смущаются и даже не хотятъ тутъ видѣть ничего проблематическаго. Имъ кажется вполне естественнымъ, что истина стоитъ подъ охраной силы: благословенъ союзъ меча и лиры.

Но у Толстого получилось другое. Загадочнымъ образомъ, когда онъ направился къ Писанію, онъ, хотя и заручился покровительствомъ разума и взялъ его съ собой для безопасности и руководства, какъ это дѣлаемъ мы всѣ, не забыть захватить съ собой еще одно прозрѣніе, котораго обычно у людей не бываетъ и которое Пьеръ выразилъ въ словахъ: «онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь не въ его власти». Но въ чьей власти? Меча? Физической, принуждающей силы? Во власти разума съ его истинами, что дважды два — четыре, что нѣтъ дѣйствія безъ причины и т. д., т. е. опять-таки во власти аракчеевскихъ эскадроновъ и ростовскаго «рубить»? Не только философскія, но и художественныя произведенія Толстого послѣдняго періода даютъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Съ великолѣпной, обезоруживающей непослѣдовательностью, которой всегда отмѣчается мысль избранныхъ человечества, онъ точно однимъ движеніемъ плеча страхиваетъ съ себя наложенныя на него вѣками бремена разума съ его истинами и доказательствами. Въ Писаніи онъ открываетъ, какъ его сущность и непреходящее содержаніе, заповѣдь: не противься злѣму. И онъ понимаетъ, какую отвѣтственность онъ беретъ на себя, такъ истолковывая Писаніе. «Долго я не могъ привыкнуть, пишетъ онъ, къ той мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христа закона миллиардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь изученію закона, теперь мнѣ пришлось, какъ что-то новое, открыть законъ Христа. Но, какъ это ни странно, это было такъ. Я остался опять одинъ со своимъ сердцемъ и съ таинственной книгой предъ собой». И точно — для нашего разума съ его «дважды два — четыре» и «все имѣетъ причину» — не противься злѣму такое-же безуміе, какъ и то, что Богъ открылся Моисею на Синаѣ. Больше того, только тотъ Богъ, который открылся на Синаѣ Моисею, могъ возвѣстить: не противься злѣму. Богъ же «естественный», рождаемый нашимъ разумомъ, знаетъ другое: злѣму нужно противиться, злое нужно «рубить». Соловьевъ въ своей полемикѣ съ Толстымъ превосходно обосновалъ это — самыми убѣдительными доводами. Да и въ Соловьевѣ надобности не было: любой семинаристъ, который побойчѣе, сдѣлалъ бы это не хуже его. Ибо семинаристу доподлинно извѣстно, что открывшійся человѣку на Синаѣ Богъ не находится въ согласіи ни съ нашимъ разумомъ, ни съ нашими знаніями. Но Толстой забылъ уже и объ учености, и о разумныхъ доводахъ. Онъ, который все это такъ прославлялъ, безъ оглядки, точно отъ чумы, бѣжить отъ разума. Опять могу только сослаться на послѣднія произведенія Толстого —

особенно «Хозяина и Работника» и незаконченного «Отца Сергия». Оба эти рассказа оказались пророческими и, вместе с тем, оба вскрывают нам тайные, невидные глазу, истоки толстовского вдохновения. В Писании рассказана притча о двух сыновьях: один сказал пойду и не пошел, другой сказал не пойду и пошел. Толстой на зов Писания ответил: не пойду. Так, по крайней мере, кажется, если брать его философско-богословские работы. Толстой всегда как бы держал сторону разума с его «рубить» и отрезался от «вѣры», которая не располагает принудительными способами убеждения, ничѣм не защищена и защищаться не хочет. И нужно думать, что это въ значительной степени принесло ему еще при жизни славу, какая редко, можетъ быть никогда, не выпадала на долю писателя. Но вся жизнь его, и даже писанія — если взять ихъ въ совокупности — говорятъ намъ другое. Ничто не было ему столь ненавистно, какъ ростовское «рубить», шпыми словами — «доказанныя истины». Все духовное существо его рвалось къ недоказанной истинѣ, къ непротивленію. Доказанные истины были тѣмъ отвратительнымъ врагомъ, «бусурманскимъ сыномъ», съ которымъ онъ вышелъ на послѣдній и страшный бой. Еще разъ повторю: онъ, всегда твердившій не пойду — пошелъ. Лютеръ, въ своемъ комментарий къ посланію къ Римлянамъ, написанномъ еще до его разрыва съ папой, пишетъ, что въ ухахъ Господа самыя ужасныя проклятія и кощунственная разъ звучать слаше, чѣмъ торжественныя аллюлуйя. Къ Толстому эти слова примѣнимы по преимуществу. Онъ, съ такимъ остревѣніемъ высмѣивавшій «вѣру», за нѣсколько дней до смерти, безъ всякой нужды, безъ всякой «причины», безъ «достаточнаго основанія», бѣжить, самъ не зная, куда — пока не добѣгаетъ до Астапова.

Зачѣмъ онъ побѣжалъ? Объяснить этого нельзя и тоже нельзя доказать, что такое бѣгство можетъ быть оправдано, пока оправданія добываются отъ разума. Но, если вспомнить Писаніе, въ которомъ рассказывается, что Богъ открылся Моисею на горѣ Синаѣ, можетъ быть мы обойдемся и безъ оправданій и почувствуемъ, что въ Астаповѣ завершилась великая борьба, главною ареною которой была Ясная Поляна: борьба между обожествленнымъ «рубить» и божественнымъ «ис противнѣся», между принудительной истиной разума (дважды два — четыре, нѣтъ дѣйствія безъ причины и т. д.) и свободной истиной откровенія о сотворенномъ по образу и подобию Божію чловѣкѣ. Приведу еще небольшой отрывокъ изъ книги Толстого о вѣрѣ, который особенно наглядно показываетъ внутреннюю

связь между Ясной Полянкой и Астаповымъ. «Они (христиане) могутъ молиться Христу-Богу, но не могутъ дѣлать дѣла Христа, потому что эти дѣла вытекаютъ изъ вѣры, основанной на совсѣмъ иномъ ученіи, нежели то, которое они признаютъ. Они не могутъ принести въ жертву единственнаго сына, какъ это сдѣлалъ Авраамъ, между тѣмъ, какъ Авраамъ не могъ даже задуматься надъ тѣмъ, принести или не принести своего сына въ жертву Богу, тому Богу, который одинъ даетъ смыслъ и благо его жизни». Такъ говорилъ, такъ думалъ Толстой — и это погнало его въ Астапово. Да сбудется написанное: Авраамъ повиновался призванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе — и пошелъ, не зная самъ, куда идти.

Л. Шестовъ.